

Пушкин — наше все. Эта сакраментальная фраза означает и то, что все, что связано с именем великого поэта, волнует и вызывает интерес до сих пор.

Нас, медиков, особо интересуют знакомства и отношения Александра Сергеевича с врачами своего времени. Наиболее известны имена Николая Федоровича Арендта и Владимира Ивановича Даля, которые были рядом с поэтом в последние часы его жизни. Его личностью и творчеством интересовались многие его современники, в том числе и врачи, сыгравшие ту или иную роль в его жизни. Уместно вспомнить о них.

МИМОЛЕТНОЕ ЗНАКОМСТВО

Иван Семенович Повало-Швайковский. Полковник Саратовского пехотного полка. Отчаянный храбрец. Участник сражения с Наполеоном и Русско-турецкой войны. Декабрист, страстный поборник освобождения крестьян от крепостного ига... и врачеватель. Неизвестно, когда Иван Семенович увлекся медициной — до или после ареста и ссылки или уже в Сибири, куда прибыл вместе с другими осужденными декабристами. Сохранилось письмо декабриста Басаргина Пушкину, в котором он описывает один из эпизодов врачебной практики Повало-Швейковского: «...Смотритель здешнего училища занемог горячкой, потом жена, сын, тетка, сестра — одним словом весь дом сделался больным, и наш Ив. Сем. всех их поставил на ноги. Он не жалел ни трудов, ни денег, чтобы их спасти. Полтора месяца он не имел ни минуты покоя, целые дни и ночи проводил у них, сам составлял лекарства, сажал в ванну, одним словом, ухаживал за ними как за ближайшими родными, и все из одного желания помочь ближнему».

Знакомство Пушкина с самоотверженным врачом было кратковременным. Всего четыре дня они общались у Михаила Федоровича Орлова, тоже беспримерного храбреца, участника войны с Наполеоном и впоследствии декабриста. Это было в 1821 г. Больше им встретиться не довелось. Когда Пушкин из Михайловской ссылки вернулся в Петербург, Иван Семенович сидел в Свартгольмской крепости, откуда был сослан в Сибирь.

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЙ ЗАСТУПНИК

После напечатания оды «Вольность» над юным поэтом нависла угроза сурового наказания. Император Александр I колебался в выборе места ссылки Пушкина — на Соловки или в Сибирь. На защиту поэта стали его друзья — Чаадаев, Жуковский, Карамзин, многие другие и даже вдовствующая императрица Мария Федоровна. Среди заступников Пушкина был и статс-секретарь по иностранным делам Иван Антонович Каподистрия. Считают, что именно он сыграл решающую роль в замене места ссылки с Соловков и Сибири на юг России, в Бессарабию. Сделал так, что это даже и не ссылка была, а как бы командировка с депешей к генерал-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову о назначении одного наместником этого южного края.

Грек, уроженец греческого острова Корфу, Иоаннис Каподистриас в России назывался Иваном Антоновичем Каподистрией. Человек необычной судьбы, медицинское образование он получил в Италии. Работал главным врачом русского военного госпиталя, но недолго. Когда на Ионических островах возникла республика, врач Каподистриас, как и многие врачи современных малых стран, стал политическим деятелем — секретарем законодательного совета республики. Когда республика пала под натиском англичан, Александр I пригласил его служить России, где греческий республиканец сделал успешную дипломатическую карьеру, став статс-секретарем по иностранным делам. В душе Иван Антонович оставался человеком республиканских убеждений. Наверное, поэтому вольнолюбивый русский поэт вызывал у него симпатию. Чем еще можно объяснить живое его участие в судьбе молодого Пушкина? Нам дорого имя грека Каподистрия тем, что он сыграл большую роль в судьбе поэта. Попади Александр Сергеевич в молодые годы в Сибирь или на Соловки, кто знает, как бы сложилась его поэтическая и человеческая судьба.

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Из письма Василия Андреевича Жуковского Пушкину: «Я услышал от твоего брата и от твоей матери, что ты болен: правда ли это? Правда ли, что у тебя в ноге есть что-то похожее на аневризм и что ты уже около десяти лет угощаешь у себя этого постояльца... Причины такой любви к аневризму я не понимаю и никак не могу разделить с тобою... ты должен друзьям твоим вступить в домашние дела твоего здоровья».

От слов Жуковский переходит к делу. Его племянница была замужем за профессором Дерптского университета Иваном Филипповичем Мойером. Тот готов выполнить необходимую операцию.

Но в ответном письме Жуковскому Пушкин пишет: «Вот тебе человеческий ответ: мой аневризм носил я 10 лет и с Божьей помощью могу пронести еще года три. Следовательно, дело не к спеху. Но Михайловское душно для меня. Если бы царь меня для излечения отпустил за границу, то это было б благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен».

Ясно, что Пушкин не хочет оперироваться в России. И ясно также, что он хочет, чтобы царь «для излечения отпустил за границу».

Как и многие русские поэты, Пушкин хотел побывать за границей и так же, как многие русские поэты, никогда там не был. Ему душно не в Михайловском, а в России. Но царь разрешает провести операцию не за границей, а всего лишь во Пскове.

Узнав о том, что Жуковский послал ему врача и тот готов выполнить операцию, Пушкин пишет профессору Моейру: «Сейчас получено известие, что В.А. Жуковский писал Вам о моем аневризме и просил Вас приехать во Псков для совершения операции. Нет сомнения, что Вы согласитесь. Но умоляю Вас, ради Бога, не приезжайте и не беспокойтесь обо мне. Операция, требуемая аневризмом, слишком маловажна, чтобы отвлекать человека, столь знаменитого, от его занятий и местопребывания. Благодеяние Ваше было бы мучительно для моей совести...»

Никакого «аневризма» у Пушкина не было. К такому выводу пришли в том числе и современные врачи, в частности, доктор медицинских наук Борис Моисеевич Шубин, изучавший медицинские документы поэта. Столь велико было желание Александра Сергеевича вырваться на время из России, что придумал он себе болезнь, рассчитывая, что царь отпустит его «для излечения» за границу.

А Иван Филиппович Моейр в самом деле был знаменитым, как пишет в своем письме Пушкин, врачом своего времени. Достаточно сказать, что его учеником был великий Николай Иванович Пирогов, готовившийся в Дерптском университете к профессорскому званию. «Эта личность замечательная и высокоталантливая. Уже одна наружность его была выдающаяся. Высокий ростом, с крупными чертами лица, умными голубыми глазами, с длинными красивыми пальцами на руках...» Так описывает учителя Пирогов в своих «Записках». Получил медицинское образование профессор Моейр в Италии. Хирургом был во время Отечественной войны 1812 года. Выполнял такие сложные по тем временам, да и сейчас тоже, операции на головном мозге, сосудах.

Видимо, друзья поэта продолжали настаивать на операции. Пушкин снова пишет Жуковскому: «Мне, право, совестно, что жилы мои тебя беспокоят...». Испытывал ли Александр Сергеевич угрызения совести за свой обман, можно только гадать. Впрочем, если бы «ане-

вризм» был, и была бы нужна операция, можно не сомневаться, что профессор Моейр вполне бы с ней справился.

АРЕНДТ И ДАЛЬ — ВРАЧ И ДРУГ

О последних днях жизни умирающего Пушкина написано много. Медики то осуждали Николая Федоровича Арендта за якобы допущенные ошибки в лечении раненого поэта, то оправдывали его действия. В адрес Владимира Ивановича Даля каких-либо обвинений не выдвигалось. Понятно почему: был он в то время не столько врач, сколько писатель. Умирающий поэт, увидев подходящего в его ложу Даля, говорит ему: «Мне приятно вас видеть не только как врача, но и как родного мне человека по нашему общему литературному ремеслу». Да и не принял бы Даль самостоятельного решения о лечении Александра Сергеевича. Он сам пишет: «Вследствие полученных от доктора Арендта наставлений поставили (Пушкину.— Р.А.) мы с доктором Спасским тотчас 25 пиявок и послали за Арендтом...»

Хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство, которое мне кажется знаменательным.

В воспоминаниях Константина Константиновича Данзаса, секунданта Пушкина на дуэли с Дантесом, записанных А. Амосовым, говорится: «В это время приехал Арендт, он также осмотрел рану. Пушкин просил сказать ему откровенно, в каком он находится положении, и прибавил, что какой бы ответ ни был, он его испугать не может, но что ему необходимо знать наверное свое положение, чтобы успеть сделать некоторые распоряжения. «Если так,— ответил ему Арендт,— то я должен вам сказать, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не имею надежды». Пушкин поблагодарил Арендта за откровенность и просил только не говорить жене».

То же подтверждает и князь Петр Андреевич Вяземский, близкий друг поэта, в письме к великому Князю Михаилу Павловичу: «Когда его (Пушкина — Р.А.) привезли домой, доктор Арендт после первого осмотра раны нашел ее смертельной и объявил об этом Пушкину, который потребовал, чтобы ему сказали правду относительно его состояния».

И еще один штрих к портрету доктора Арендта. Из уже цитированного письма князя Вяземского: «Арендт, который видел много смертей на веку своем и на полях сражений, и на болезненных одрах, отходил со слезами от постели его и говорил, что никогда не видел ничего подобного. Такое мужество при таких страданиях! Еще сказал и повторил несколько раз Арендт замечательное и прекрасное утешительное слово об этом несчастном приключении: «Для Пушкина жаль, что не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы...».

А вот свидетельство Владимира Ивановича Даля о последних часах жизни поэта: «Пушкин заметил, что я стал бодрее, взял меня за руку и сказал: «Даль, скажи мне правду, скоро я умру?» — «Мы за тебя надеемся еще, право, надеемся!» Он пожал мне руку и сказал: «Ну, спасибо». В другом воспоминании Даль пишет, что после ободряющих слов Пушкин сказал ему: «Ну, спасибо. Однако же, поди, скажи жене, что все, слава Богу, легко, а то ей там, пожалуй, наговорят».

Итак, два разных подхода к тому, говорить ли жестокую правду умирающему больному о приближающейся смерти или до самого конца вселять в него надежду на возможный благоприятный исход. Перед каждым врачом нередко встает такая дилемма.

Чем руководствовался лейб-медик Арендт, много повидавший на полях сражения, не скрывая от Пушкина правду о его состоянии, и о чем думал врач и литератор Даль, до последнего убеждая Пушкина и его жену, что все обойдется?

Полагаю, что Арендт видел, сколь мужественный перед ним человек — Александр Сергеевич Пушкин. Он не боялся правды о своем положении. Она была ему нужна для того, чтобы, зная, что конец неизбежен, попрощаться с женой, детьми и друзьями. И Арендт сказал ему эту правду. Проявил рационализм, столь свойственный национальности, которой принадлежал обрусевший немец Арендт. Николай Федорович поступил как врач.

Владимир Иванович Даль, обрусевший во втором поколении датчанин, слишком любил Пушкина и, говоря слова ободрения, может быть, сам не верил в неизбежность смерти, и не хотел ее для почитаемого им человека и поэта. Литератор Даль говорил как друг.

Современная западноевропейская медицина предпочитает, чтобы отношения врача и больного были партнерскими, чтобы врач не скрывал правду, а говорил умирающему больному и его родственникам о наступающем конце жизни. Считают, что это позволяет обеим сторонам подготовиться к неизбежному, сделать распоряжения о земном и духовном, что родственникам в таком случае легче пережить потерю. Уклонение от правды, обнадеживание может рассматриваться как недостаточная квалификация и врачебная ошибка — врач не распознал симптомы приближающегося летального исхода. Может возникнуть юридическая коллизия.

В отечественной же медицинской практике и этике утвердился другой подход — сохранять надежду больного и его родственников до самого наступления смерти. Это считается более гуманным, сострадательным отношением к больному. Видимо, проявляется патерналистский подход, свойственный российской медицине.

У постели умирающего поэта два этих подхода — патерналистский и партнерский, может быть, впервые проявились столь отчетливо. Трудно отдать предпочтение кому-либо из них. Первый, арендтский, дал время Пушкину сделать распоряжения, обратиться к друзьям с просьбой не оставить его жену и детей без покровительства и заботы, сказать жене: «Отправляйся в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но только не за шалопаю». А второй, «далевский», дал надежду и Александру Сергеевичу, и Наталье Николаевне. «Выходя из кабинета, где лежал умирающий, обрадованная аппетитом мужа и словами ободрения Даля, сказала, обращаясь к окружающим: «Вот вы увидите, что он будет жив». — свидетельствует Константин Данзас.

Что было лучше для умирающего Пушкина и его жены, кто знает.

Врачи часто сопутствуют знаменитостям своего времени. Знаменитости часто называют среди своих друзей врачей. Возможно потому, что врачевание сродни искусству, что врачу можно доверить то, что не скажешь даже близким. Врачебное искусство может продлить творческую жизнь знаменитости.

Нет вины Арендта и Даля в том, что они не смогли спасти Пушкина. Они делали все, что было возможно в то время, и словом, и делом. Один — исполняя врачебный долг, другой — долг дружеский. А нам, современным врачам, помня о примере предшественников, следует научиться умело сочетать оба эти подхода.